

УДК 82

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8
Научная статья

А. В. Коровин¹

✉ avkorovin2002@mail.ru

¹Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Необыкновенная история, начавшаяся в Омске: И. А. Гончаров и русско-датские литературные контакты

Аннотация: В статье рассматривается история начала литературной деятельности П. Г. Ганзена – датчанина, приехавшего в Омск и ставшего самым значительным переводчиком скандинавской литературы на русский язык. Первым опубликованным переводом Ганзена стала «Обыкновенная история» И. А. Гончарова. Гончаров и Ганзен состояли в переписке, которая продолжалась два года; и по сей день она остается одним из значимых источников для изучения русско-датских литературных связей в конце XIX века. Видимо, именно Ганзен в своих письмах к Гончарову впервые в русском культурном контексте упоминает имя датского философа С. Киркегора, стоявшего у истоков экзистенциализма. Несмотря на то, что Гончаров не был знаком с датской литературой, в его романах можно усмотреть определенные типологические схождения с сочинениями Киркегора. Очевидно, что Гончаров приближается к экзистенциальной проблематике в своем творчестве, что становится подтверждением наличия общих тенденций в европейской литературе того времени и сходных путей интеллектуальных исканий. Представляется, что именно экзистенциальную составляющую и уловил в сочинениях Гончарова Ганзен, который был увлечен идеями Киркегора с юности.

Ключевые слова: Гончаров, Ганзен, Киркегор, датская литература, экзистенциальный, перевод.

Дата поступления статьи: 23 октября 2022 г.

Для цитирования: Коровин А. В. (2023) Необыкновенная история, начавшаяся в Омске: И. А. Гончаров и русско-датские литературные контакты. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 1, с. 76–84. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8.

Scientific article

A. V. Korovin¹

✉ avkorovin2002@mail.ru

¹A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

An Unusual Story Started in Omsk: Ivan Goncharov and Russian-Danish Literary Contacts

Abstract: The article deals with the initial story of Peter Hansen's literary activity, a Dane who came to Omsk and became the most significant translator of Scandinavian literature into Russian. The first published Hansen's book was his translation of "The Same Old Story" by Ivan Goncharov. Goncharov and Hansen were in correspondence during two years; and now these letters remain one of the significant sources of information about Russian-Danish literary relations in the end of the 19th century. Apparently, in his letters to Goncharov Hansen mentioned for the very first time in the Russian cultural context the name of the Danish philosopher Søren Kierkegaard, who stood at the origins of existentialism. As a fact, Goncharov was not familiar with Danish literature, but there are certain typological similarities with Kierkegaard's ideas in his novels. It looks like Goncharov was approaching existential issues in his writings, and it becomes a confirmation of general trends in European literature of that time and similar paths of intellectual search. Hansen was fascinated by Kierkegaard's ideas from his youth, and it seems that he sensed an existential content in Goncharov's novels.

Keywords: Goncharov, Hansen, Kierkegaard, Danish literature, existential, translation.

Paper submitted: October 23, 2022.

For citation: Korovin A. V. (2023) An Unusual Story Started in Omsk: Ivan Goncharov and Russian-Danish Literary Contacts. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 1, pp. 76–84. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.8.

© А. В. Коровин, 2023

Введение

Так случилось, что именно городу Омску суждено было сыграть весьма важную роль в развитии русско-датских культурных контактов, что, увы, каким-то непостижимым образом оказалось вне поля зрения омских исследователей, хотя материала для подобных изысканий история Омска может предоставить немало. Датский историк Х. Готтлиб писал: «На рубеже XIX–XX веков Россия, особенно Сибирь, во влиятельных датских экономических кругах воспринималась как “новая Америка”. Колоссальная духовная энергия, сконцентрированная в русской литературе XIX века, просочилась и в нашу культуру, нарисовав новую и более ясную картину российского общества и русской души» (Готтлиб, 1996, с. 8). Не только Дания открывала себе Россию, куда устремилось множество датчан, но произошел настоящий взрыв интереса к литературе и культуре Скандинавии, наблюдавшийся в России на рубеже столетий, который во многом связан с подвижнической переводческой деятельностью Петра Годфридовича Ганзена, чья литературная карьера началась именно в Омске, где он провел в общей сложности около семи лет. Одним из значимых событий его жизни становится переписка Ганзена и И. А. Гончарова, которая сильно повлияла на становление первого как переводчика и литературного деятеля. В свою очередь в Гончарове Ганзен видел самого значительного русского писателя того времени, произведения которого были созвучны его эстетическим и этическим идеалам.

Результаты

История начинается в 1871 году, когда в Омск приезжает молодой датчанин Петер Эмануэль Хансен (Peter Emanuel Hansen, 1846 – 1930), заняв место служащего в местном представительстве «Большого Северного телеграфного общества» (Det Store Nordiske Telegraf-Selskab); и следующие десять лет он проводит в Сибири, где и обращается к литературной деятельности и начинает именоваться на русский манер Петром Годфридовичом Ганзеном. Именно под этим именем он прославился как самый известный переводчик скандинавских авторов на русский язык, познакомивший русского читателя с произведениями Л. Хольберга, Х. К. Андерсена, С. Киркегора, Г. Брандеса, Х. Ибсена, Б. Бьернсона, К. Гамсуна, Ю. Ли, А. Стриндберга, К. Микаэлис и др. Многие переводы он осуществил вместе с женой Анной Васильевной Ганзен. Уже в советские времена ленинградское издание «Красная газета» в 1928 году писала: «Имя Ганзена широко известно читательской России, и можно сказать без преувеличения, что он был тем первым, который широко ознакомил русских с датской и скандинавской литературами и, наоборот, – Данию с русской» (Красная газета, 1928).

Будущий переводчик еще в ранней юности проявил большой интерес к литературе и искусству, и по примеру Х. К. Андерсена он пробует себя в театре, начав актерскую карьеру, но потеря голоса заставила его резко изменить свою жизнь и искать счастья вдали от родины. Л. Ю. Брауде отмечала: «Еще в реальном училище, называвшемся “Школа гражданских добродетелей”, он под влиянием известного преподавателя санскрита и литератора Мартина Хаммерика увлекался литературой, в частности, поэзией; философией и историей искусств, серьезно изучал английский язык. Его кумирами были Шекспир, Лессинг и датский философ Сёрен Кьеркегор» (Брауде, 1994, с. 45).

Жизнь в русской провинции не была богата событиями, поэтому Ганзен, овладев русским языком в какой-то мере, начал изучать русскую литературу, о которой он и стремился рассказать датчанам: в 1874 году в журнале *Nær og Fjern* («Близкое и далекое») выходит его статья о Тургенева, за которой последовали и другие публикации о русской литературе и русских писателях. Б. С. Жаров писал: «В долгие холодные сибирские вечера Ганзен (будем теперь называть его так) старательно учил русский язык. Делал записи, переводил разные тексты, отрывки из литературных произведений. Однажды он прочитал роман И. А. Гончарова “Обыкновенная история”. Роман ему очень понравился, и Ганзен стал переводить его на датский язык для себя. Окончив перевод, он решил ознакомить датских издателей с романом. Роман был немедленно напечатан и мало того – имел бешеный успех в Дании. Для датских читателей в тот момент книги такого

рода были очень нужны, хотя другой роман Гончарова – «Обломов», переведённый на датский гораздо позже, – не пользовался успехом» (Жаров, 2004, с. 6). Сам же Ганзен позднее признался: «... я приехал сюда, не зная и десяти слов по-русски, да и те не мог хорошо выговорить. В первый год моего пребывания в Омске я поэтому порядочно скучал, но как только мне удалось выучиться настолько по Русски, что я мог вести разговор на этом языке, то я скоро почувствовал большое облегчение»¹ (Гончаров, 1961, с. 45).

После выхода в 1877 году в Копенгагене по-датски «Обыкновенной истории», что стало первым опытом перевода Ганзеном русского романа на родной язык, завязалась переписка между И. А. Гончаровым и П. Г. Ганзеном, которая продолжалась полтора года. Впервые в полном объеме она была опубликована только в 1961 году, сразу вызвав огромный интерес литературоведов и историков, поскольку является весьма значимым источником для изучения русско-датских литературных контактов в конце XIX века. Ганзен направил в начале 1878 года Гончарову экземпляр датского перевода «Обыкновенной истории», на что Гончаров сразу откликнулся: «Буду беречь его как дорогой подарок, между своими книгами и сожалею, что не в состоянии читать себя самого на Вашем языке. Но судя по той тонкой степени знания русского языка, которую Вы обнаруживаете в письме ко мне, я уверен, что мой оригинал и передан Вами на Ваш родной язык, как никто другой не передал бы его на другие языки» (Гончаров, 1961, с. 49).

Перевод этого романа сделал имя Гончарова широко известным в Дании, поставив его в один ряд с Иваном Тургеневым. Сам Ганзен позднее писал: «Всего мною получено было за это время от Гончарова 9 писем, представляющих собою столь значительный литературный интерес, что я, публикуя их лишь теперь, предвижу упреки мне за то, что давно не поделился их содержанием с читателями и поклонниками писателя. Удерживало меня от этого, главным образом, высказанное Гончаровым перед смертью нежелание, чтобы его частная переписка стала достоянием печати» (Гончаров, 1961, с. 41).

Экземпляр датского издания «Обыкновенной истории» также был преподнесен великой княгине Марии Федоровне, супруге будущего императора Александра III – дочери датского короля Кристиана IX. Но появление книги в России не обошлось и без курьезов, о чем Ганзен и сообщает в письме Гончарову. Поскольку роман был издан на датском довольно спешно, то издатель снабдил его неким анонимным предисловием, которое переводчика сильно возмутило: «...во первых Тургенев, а не Вы назван «главной звездой» новой школы, образовавшейся под знаменем Белинского, а во вторых прибавлен весьма неудобный отзыв о положении в России при появлении Обыкн. Истории» (Гончаров, 1961, с. 43). Последнее, видимо, Ганзена даже напугало, поэтому он вырезал это предисловие из всех присланных ему экземпляров, и в таком виде представил книгу Н. Г. Казнакову, бывшему тогда западно-сибирским генерал-губернатором; к ней прилагался перевод этого предисловия с заверениями, что сам Ганзен к нему отношения не имеет: «Неверность выражения взглядов легко объясняется тем, что за границей мало знакомы с русской литературой и русской жизнью» (Гончаров, 1961, с. 43).

Русская литература в Европе в конце XIX века приобрела огромную популярность, в это же время и скандинавская литература преодолевает свою провинциальность, занимая одно из ведущих мест в мировом культурном процессе: Ибсен и Стриндберг наряду с Толстым и Достоевским становятся властителями дум интеллектуалов по всему миру. Американский литературовед А. Густафсон отмечал: «Я думаю, что скандинавская драма и роман наряду с русскими произведениями, возможно, стали тем единственным и наиболее значимым фактором, оказавшим непосредственное и самое существенное влияние на большинство явлений современной литературы, особенно – на современную драму и современный роман» (Gustafson, 1940, p. 3). Американский исследователь очень точно заметил сходство русской и скандинавской литературы, поскольку на определенном этапе своего развития они невероятно сблизились в плане осмысления наиболее существенных социальных и онтологических вопросов, занимавших умы европейцев, тем самым оказавшись наиболее востребованными и популярными. Действительно, если отвлечься от непосредственного взаимовлияния, которое очевидно и является предметом исследования

¹ В переписке Гончарова и Ганзена сохранена пунктуация и орфография подлинника.

литературоведов, как отечественных, так и скандинавских, просматривается необозримая перспектива типологических схождений, которые невозможно объяснить взаимным воздействием, и что заслуживает дополнительного исследования.

Эта эстетически и духовная близость была однозначно воспринята читателем, поэтому на рубеже веков русская литература очень активно переводилась и читалась в Скандинавских странах, а в скандинавская – в России. В этом процессе взаимного культурного обогащения П. Г. и А. В. Ганзен сыграли ключевую роль. Их переводы на русский язык скандинавской классики стали колоссальным событием для русской культуры, о чем свидетельствует та рефлексия, которая наблюдается в русской литературе вплоть до наших дней. Ганзены заставили говорить скандинавских авторов по-русски не только в плане языка, но и передав духовную составляющую литературы, созвучную чаяниям читателей. Это стало возможным только благодаря той высокой степени слияния со стихией русского языка и культуры, которую демонстрирует П. Г. Ганзен, начавший свой путь блистательного переводчика в Омске. Уже Гончаров отметил: «... я приятно изумлен скорым и совершенным усвоением Вами чужого языка, из которого Вы за семь лет не знали ни одного слова! Теперь Вы пишете на нем, как мы Русские, и успели уже перевести так много с датского языка!» (Гончаров, 1961, с. 49).

Гончаров в свою очередь оказал определенное влияние на формирование того корпуса текстов, которые должны быть переведены в первую очередь на датский, по его мнению, и тем самым представлять русскую литературу. В своих письмах он дает Ганзену советы, какие русские произведения лучше избрать для переводов, и центральное место тут занимает А. К. Толстой с его историческими драмами «Смерть Ивана Грозного» и «Царь Фёдор Иоаннович», а также сочинения Льва Толстого, при этом Гончаров ставит Толстого значительно выше себя: «Вы прекрасно делаете, знакомя датскую публику с сочинениями графа Льва Толстого: они более меня, или кого-нибудь другого, достойны предстать перед европейскими литературами, и особенно – Война и мир» (Гончаров, 1961, с. 78).

Гончаров оказывает содействие Ганзену и с его переводами на русский язык современных скандинавских авторов. Так, он пересылает его переводы драм Х. Ибсена «Союз молодежи» и «Столпы общества» редактору «Вестника Европы» Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу, который, правда, дал не очень лестный отзыв: «Это видно, прибавил он, что пьесы написаны талантливым пером, но слишком заметно также, что перевод сделан иностранцем, от чего страдает и сам оригинал» (Гончаров, 1961, с. 68). Ганзен совершенствовал свое мастерство, и в конечном итоге в историю мировой литературы он вошел именно как переводчик со скандинавских языков на русский, а не переводчик русской литературы на датский. Переписка с Гончаровым совершенно определенно помогла Ганзену понять, каким путем двигаться дальше. Он писал Гончарову: «Лучше ли стал понимать Русский или хуже по Датски, но читаю однако каждую русскую книгу как датскую и при этом люблюсь такими местами например у Вас или у Графа Толстого, которые иногда ускользают от других, русских читателей. Может быть для переводов с русского на датский следует жить в Дании, а для обратных переводов с Датского на Русский в России?» (Гончаров, 1961, с. 93). Ганзен делает свой выбор – строит успешную карьеру чиновника и неустанно переводит, конец чему, увы, кладут октябрьские события 1917 года. Уже очень пожилой Петер Хансен, оставив семью, возвращается на родину.

Казалось бы, Гончарова с датской культурой связывает только фигура Ганзена, поскольку русский писатель был совершенно незнаком с датской литературой, о чем сам свидетельствует: «Благодарю Вас, Петр Эммануилович, за доставление мне Ваших статей о Гольберге и Мольтке, и ту, и другую – я прочитал с большим удовольствием. Особенно о Гольберге, которого я знаю только по имени» (Гончаров, 1961, с. 104). Подобное признание представляется весьма странным, поскольку Людвиг Хольберга (Ludvig Holberg, 1684–1754) знали в России прекрасно, а его пьесы оказали значительное влияние на русскую комедию. М. Люстров отмечает: «В России второй половины XVIII в. сочинения Хольберга хорошо известны читающей публике, одного их упоминания оказывается достаточно, чтобы аудитория поняла, какое произведение и какого автора

имеется в виду» (Люстров, 2021, с. 14). Подобная неосведомленность Гончарова, видимо, объясняется полным отсутствием интереса к Скандинавии в целом, что тем не менее не ставит под сомнение его начитанность и образованность, поскольку пик интереса к скандинавской литературе в России приходится на время, когда он отошел от литературной деятельности.

В этом контексте особый интерес представляет вопрос о возможных типологических сходениях между сочинениями Гончарова и датского философа Сёрена Киркегора¹ (Søren Kierkegaard, 1813–1855), хотя очевидного влияния последний на русского писателя оказать не мог. Заниматься изучением подобной темы – это весьма увлекательно, поэтому иногда возникают и неожиданные сюжеты, образчиком чего становится статья С. К. Казаковой «Таинственная Корделия: о ком грезил Илья Обломов?». Автор статьи выстраивает весьма причудливую систему доказательств того, что на роман Гончарова «Обломов» мог оказать влияние трактат Киркегора «Или – Или» (Enten – Eller, 1843). Основанием для подобных умозаключений становится совпадение имени героини включенного в трактат романа «Дневник оболыстителя» (Forførerens Dagbog) – Корделии и имени, которым награждает Ольгу Ильинскую Обломов во второй части романа Гончарова. Увы, вся выстроенная автором статьи доказательная парадигма не выдерживает никакой критики², но сама постановка вопроса представляется вполне правомерной, поскольку определенные параллели между сочинениями датского мыслителя и романами Гончарова провести все-таки возможно, на что не мог не обратить внимания Ганзен.

Отечественные исследователи неоднократно отмечали определенную близость сочинений русских писателей и философских исканий Киркегора. Суть этой близости хорошо сформулировал В. В. Библихин в статье «Кьеркегор и Гоголь»: «Речь идет не о “заимствованиях” и “влияниях”, которых в данном случае не надо даже искать: их просто не было и не могло быть между копенгагенским отшельником и поэтом русской тройки. Связь здесь другая – таинственная связь духовного мира, замеченная, между прочим, Карлом Ясперсом в его мысли об “осевом времени”. Как тогда, так снова и снова единая молния ищет пробиться сквозь тело человечества» (Библихин, 1994, с. 82).

На очевидную схожесть между мировоззрениями Киркегора и Достоевского первым указал русский философ Л. Шестов, выступивший с докладом «Киркегард и Достоевский», прочитанным в религиозно-философской Академии в Париже 5 мая 1935 года. Шестов делает акцент на близости понимания датским философом и русским писателем библейских концептов, конкретно – первородного греха. «И тут он до такой степени приближается к Достоевскому, что можно, не боясь упрека в преувеличении, назвать Достоевского двойником Киркегарда. Не только идеи, но и метод разыскания истины у них совершенно одинаковы и в равной мере не похожи на то, что составляет содержание умозрительной философии» (Шестов).

Киркегор, взращенный на почве романтической философии и преодолевший ее, фактически создал философскую антропологию, ввел в философский дискурс понятие «экзистенция», тем самым ответив на насущное требование эпохи осмыслить моральные вопросы, связанные с бытием отдельного человека, которые с особой остротой встали перед европейскими интеллектуалами десятилетия спустя, что и нашло свое отражение в литературе далеко за пределами Скандинавии, в том числе и в русской, несмотря на огромную разницу в социально-политическом состоянии общества, духовной и интеллектуальной атмосферы в России и Дании. «Киркегор борется против духовного и нравственного опустошения людей, против потери личностью своего я, против разлада человека с самим собой, против всеобщей отчужденности», – отмечал К. Долгов (Долгов, 1990, с. 24).

Никаких свидетельств о том, что имя Киркегора звучало в России до 1878 года (времени начала переписки Ганзена и Гончарова) нет, да и в Европе оно стало широко известно только в 1879 году после выхода на немецком языке книги датского критика Георга Брандеса (Georg

¹ Используется транслитерация фамилии Kierkegaard, соответствующая академическим принципам передачи датских имен на русском языке.

² Подробнее об этом см. Коровин А. В. И. Гончаров и П. Ганзен: датский вектор в творчестве русского писателя // И. А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван : Мекнарк, 2022. С. 219–228

Brandes, 1842–1927) «Сёрен Киркегор – литературный портрет» (Sören Kierkegaard – ein literarisches Charakterbild), которая вызвала большой общественный резонанс. Первый перевод трактата «Или – или» на немецкий язык был издан в Лейпциге теологами О. Глайсом и А. Михельсенем лишь в 1885 году (Entweder-oder : Ein Lebensfragment). На русском языке часть этого трактата под названием «Наслаждение и долг» в переводе Ганзена публикуется в 1894 году.

Между тем имя Брандеса, в отличие от имени Киркегора, было очень хорошо знакомо русскому читателю. Его литературоведческие и критические труды были весьма популярны, сам он посетил Россию в 1887 году и прочитал лекции в Москве и Петербурге. Д. Шарпыкин отмечал: «Сочинения Брандеса в России имели успех исключительный, больший, чем в любой другой стране, включая Германию, и более постоянный, чем на родине критика» (Шарпыкин, 1980, с. 185). С уверенностью можно утверждать, что интерес к творчеству Киркегора в России пробуждается только после прочитанных Брандесом лекций, где он неоднократно упоминает его имя и ссылается на его сочинения (Вестник Европы, 1887, с. 755–760).

Но само имя Киркегора в русском культурном контексте, вероятнее всего, возникает впервые в письме Ганзена к Гончарову от 18 июня 1878 года: «Есть датский писатель (Sören Kierkegaard), который говорит гораздо более красноречиво и убедительно, переводя Вам разные места из его сочинения, я верно мог бы убедить Вас! Вот был Dialektiker! “Сам черт его не переспорит!” – говорили о нем, а Вы бы его полюбили!» (Гончаров, 1961, с. 73). В письме от 19 ноября 1878 года опять упоминается Киркегор: «Уже один из семи мудрецов указал на то, что при олимпийских играх соревнователями выступали знатоки искусства, а судьями – незнатоки. Эти слова взяты из сочинения S Kierkegaard’a, автор этот который отлично умел поставить себя в отношении критики. Он обыкновенно уже в предисловии к своим сочинениям просил критика оставить их в покое, ибо они сами должны были говорить за себя; в случае надобности он сам принял на себя дальнейшее объяснение» (Гончаров, 1961, с. 91). Ганзен с юности был хорошо знаком с философией Киркегора, которая была для него весьма привлекательной, не удивительно, что он стремится поведать русским о своем выдающемся соотечественнике, сочинения которого в тот момент практически не были известны вне Скандинавии.

Первый крупный русский писатель, с которым Ганзен вступил в переписку, был Гончаров, именно ему он пишет о Киркегоре. Было ли это лишь стремлением популяризировать имя датского мыслителя или это было продиктовано тем, что Ганзен уловил в русской литературе в целом и в романах Гончарова в частности некие тенденции, роднившие ее с идеями Киркегора? Ганзен свидетельствует: «Но один мой знакомый дал мне на пробу прочесть “Грозу” Островского, и я прочел ее с большим интересом, затрудняясь только в понимании некоторых выражений купеческого разговора. Вслед за тем я читал “Преступление и наказание”, что придало мне еще больше смелости, и наконец в 1874 г. я достал книгу, которую мне все рекомендовали, а именно “Обыкновенную историю”. Впечатление было до того отрадное, что я чуть-чуть не приступил тотчас же к переводу. Я встретил в “Обыкновенной истории” столько знакомого, старого, пережитого мною в юности, что сейчас почувствовал живейшую симпатию к ее автору. Вслед за тем прочитав “Обломова”, я еще больше увлекся и с жадностью занялся литературой, имеющей таких представителей» (Гончаров, 1961, с. 47).

Не подлежит сомнению, что Гончаров не мог быть знаком с сочинениями Киркегора и даже слышать о них, но в его романах наблюдается очевидное приближение к экзистенциальной проблематике, характерной для творчества датского мыслителя, стоявшего у истоков экзистенциальной философии. Центральное место у Киркегора занимает идея эволюции человеческой души, проходящей три стадии: эстетическую, этическую и религиозную. Создается впечатление, что в романной трилогии Гончарова Ганзен уловил нечто схожее с размышлениями датского философа, хотя нигде об этом прямо и не говорит, только в письме Гончарову от 10 августа 1878 года пытается дать свою интерпретацию его персонажей: «Я в трех типах: Александре Федоровиче, Обломове и Райском вижу типы не только трех разных периодов русского общества, но вместе с тем и изображение человека вообще на трех разных ступенях жизни. Каждый из нас блуждал,

вспыхивал – потухал и рвался, стремясь к идеалу, и потому не у меня одного из иностранцев отозвалось и отзовется блуждание Александра, потухание Обломова и порывы Райского, но как все эти типы плоды богатой человеческой души, глубоко понимающие поэзию жизни и готовые выразить эту поэзию, как редко удалось смертному, то они всегда и везде будут отзываться в каждой душе, доступной подобной поэзии» (Гончаров, 1961, с. 85). Тут просматривается аллюзия, хотя и не явная, к трактату Киркегора «Стадии на жизненном пути» (Stadier paa Livets Vei, 1845).

Очевидно, что Гончаров не понял, что подразумевал его корреспондент, поэтому в ответном письме от 30 августа не соглашается с его суждениями: «Что касается Ваших отзывов о трех моих героях, то позвольте сделать в них такое изменение: взять блуждание от Адуева и приписать его Райскому, а порывы Райского перенести на Адуева. Этот последний именно выражает собой юношеские порывы, составляющие обыкновенную историю всех молодых людей, и потом превращается в тип положительного человека (дядя), как бывает с большинством. У немцев – бурши и филистеры. Тогда как в Райском выражаются блуждание русских интеллигентных людей (40-х – 50-х годов), не знающих, куда за отсутствием серьезных интересов, и самой почвы для них, куда девать свои силы. У них является только сознание потребности дела. Реформы привели дело – и разбудили общество от обломовского сна» (Гончаров, 1961, с. 87-88). Для русского писателя было важно создать картину современной действительности, что вполне укладывается в рамки доминирующего тогда в литературе реализма, а экзистенциальная формула, предложенная Ганзеном, представляется Гончарову слишком абстрактной, да и устаревшей, поскольку отсылает к романтическому мировосприятию, к которому восходит киркегоровская философия, правда, открывшая двери в новую философскую реальность. В то же время Е. В. Киричук отмечает: «И. А. Гончаров, на наш взгляд, поставил слишком раннюю для своего времени проблему – о загадке природы человека» (Киричук, 2022, с. 192). Нам представляется, что эта как раз одна из экзистенциальных проблем, возникающих и у Киркегора, не была отрефлексирована русским писателем, но уловлена Ганзеном.

Видимо, Ганзену представлялась, что романная трилогия Гончарова является центральными текстами современной русской литературы, не только в силу их актуальности, но и в силу вневременности поднимаемых в них моральных и философских вопросов. Его горячим желанием было перевести «Обломова» и «Обрыв», но Гончаров фактически отговаривает его от этого: «Что касается переводов “Обломова” и “Обрыва”, то я все-таки стою на том, что переводить эти старые романы не стоит труда, что это могло бы быть сделано с успехом лет 20 или 10 тому назад, когда они появились и произвели благоприятное впечатление на русскую публику. Теперь же они состарились вместе с веком, и уступают место более свежим и сильным дарованиям!» (Гончаров, 1961, с. 104-105). В результате переводы романов «Обломов» и «Обрыв» вышли на датском уже только в XX веке, так и не вызвав у датского читателя серьезного отклика.

Выводы

История П. Г. Ганзена как переводчика, начавшаяся в Омске, имела продолжение уже в Петербурге, куда он переезжает из Сибири. Вклад Ганзена в процесс взаимообогащения датской и русской культур поистине огромен, и не подлежит переоценке. Переписка с Гончаровым, несомненно, помогла Ганзену определиться со своим местом в русской культуре и дала импульсы для его профессионального роста. Несмотря на то, что он переключился на переводы скандинавской классики на русский язык, трилогия Гончарова была именно тем, что он хотел подарить датским читателям, усматривая в ней что-то созвучное датской культуре, но, увы, не осуществил задуманного. Думается, что подробный анализ произведений Гончарова на предмет наличия экзистенциальной проблематики и типологических сходжений с сочинениями Киркегора (в том числе в решении этических проблем в религиозном ключе) – это вопрос будущего. Для этого есть все основания: так, В. И. Мельник указывает на Гончарова как романиста, «исповедавшего христианский идеал в религии и романтический идеализм как этический постулат» (Мельник, 2014, с. 140), что, конечно, верно лишь отчасти, поскольку весьма ограничивает горизонты

смыслов, заложенных в произведениях Гончарова, но дает повод для рассуждения и сопоставления этики Гончарова и Кьеркегора. Остается только выразить надежду на то, что подобные исследования будут проводиться, поскольку русская литература второй половины XIX века совершенно очевидным образом поднимает те же вопросы, затрагивает те же темы, что и литература скандинавская.

Источники

- Бибихин В. В. (1994) Кьеркегор и Гоголь. Мир Кьеркегора. Ред. А. Фришман. М., Ad Marginem, с. 82–90.
- Брандес Г. (2002) Русские впечатления. М., ОГИ, 488 с.
- Брауде Л. Ю. (1994) Мирное завоевание. Скандинавская литература в России. Детская литература, № 2, с. 45–50.
- Вестник Европы (1887), кн.10.
- Гончаров И. А. (1961) Переписка И. А. Гончарова с П. Г. Ганzenом. 1878–1885. Предисл. и коммент. М. П. Ганзен-Кожевниковой. Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. Ред. М. П. Алексеев. Т. 6. М.–Л., АН СССР, с. 37–105.
- Готтлиб Х. (1996) Предисловие. Дания и Россия – 500 лет. М., Международные отношения, с. 7–9.
- Долгов К. М. (1990) От Кьеркегора до Камю. М., Искусство, 399 с.
- Жаров Б. С. (2004) Переводчики Ганzenы. Автобус: Петербургский детский исторический журнал, № 2, с. 6–8.
- Казакова С. К. (2019) Таинственная Корделия: о ком грезил Илья Обломов? Вопросы литературы, № 3, с. 161–182.
- Киричук Е.В. (2022) Сон и реальность в романе И.А. Гончарова «Обломов». И.А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван: Мекнарк, с. 188–193.
- Кьеркегор С. (1894) Наслаждение и долг. СПб., М. М. Ледерле и К°, 415 с.
- Коровин А. В. (2022) И. Гончаров и П. Ганzen: датский вектор в творчестве русского писателя. И. А. Гончаров и русская и национальные литературы. Материалы международной научно-практической конференции 28–30 сентября 2022. Сост. М. Д. Амирханян. Ереван, Мекнарк, с. 219–228.
- Красная газета (1928) № 61, 2 марта.
- Люстров М. Ю. (2021) Людвиг Хольберг и русского-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М., ИМЛИ РАН, 272 с.
- Мельник В. И. (2014) «Драгоценные тайны и таинства человеческой души...» (И. А. Гончаров в этических спорах своей эпохи). Вестник славянских культур, № 3 (33), с. 139–147.
- Шарыпкин Д. М. (1980) Творчество Георга Брандеса по русским источникам и материалам. Русские источники для истории зарубежных литератур. Сборник исследований и материалов. Л., Наука, с. 184–232.
- Шестов Л. Киркегард и Достоевский. URL: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirkegard-i-dostoevskij/>
- Brandes G. M. C. (1879) Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild. J. A. Barth. Leipzig, 263 s.
- Gustafson A. (1940) Six Scandinavian Novelists. Princeton University Press, Princeton, 369 p.
- Kierkegaard S. (1849) Enten – Eller. Et Livs Fragmet. Utgivet af Viktor Eremita. C. A. Reitzel, Kjöbenhavn, 471 p.
- Kierkegaard S. (1845) Stadier paa Livets Vei. C. A. Reitzel. Kjöbenhavn, 383 p.

References

- Bibikhin V.V. (1994) Kierkegaard i Gogol [Kierkegaard and Gogol]. The World of Kierkegaard. Ed. A. Frishman. Moscow, Ad Marginem, pp. 82–90 (In Russian).
- Brandes G. (2002) Russkii vpechatlenia [Russian Impressions]. Moscow, OGI Publ., 488 p. (In Russian).
- Brandes G. M. C. (1879) Sören Kierkegaard: Ein literarisches Charakterbild. J. A. Barth. Leipzig, 263 p.
- Braude L. Yu. (1994) Mirnoie zavoievaniie. Skandinavskaiia literatura v Rossii [Peaceful conquest. Scandinavian literature in Russia]. Detskaia literatura, no. 2, pp. 45–50 (In Russian).
- Goncharov I. A. (1961) Perepiska I. A. Goncharova s P. G. Ganzenom. Predislovie I kommentarii M. P. Ganzen-Kozhevnikovoi [I. A. Goncharov and P. G. Hansen correspondence. 1878–1885. Ed. and comment. M. P. Ganzen-Kozhevnikova]. Literaturnyi arkiv. Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizhenia. Ed. M. P. Alekseev. Academy of Sciences of USSR Publ., Moscow–Leningrad, pp. 37–105 (In Russian).
- Gottlib H. (1996) Predislovie [Introduction]. Denmark and Russia – 500 years. Moscow, Mezhdynardnyie otnosheniia, pp. 7–9 (In Russian).
- Gustafson A. (1940) Six Scandinavian Novelists. Princeton University Press, Princeton, 369 p.
- Dolgov K. M. (1990) Ot Kierkegarda do Camus [From Kierkegaard to Camus]. Moscow, Iskuststvo, 399 p. (In Russian).
- Kazakova S. K. (2019) Tainsvennaia Kordelia: o kom grezil Iliia Oblomov [Miracle Cordelia: who is a dream of Iliia Oblomov?]. Voprosy literatury, no. 3, pp. 161–182 (In Russian).

- Kirichuk E. V. (2022) Son I realnost' v romane I. A. Goncharova "Oblomov" [Dream and reality in I. A. Goncharov's novel Oblomov]. I. A. Goncharov i russkaya i natsional'nyye literatury [I. A. Goncharov and Russian and National literature]. Collected papers of the International conference Sept. 28-30 2022. Ed. M.D. Amirkhanian. Meknark, Erevan, pp. 188-193 (In Russian).
- Kierkegaard S. (1894) Naslazhdenie i dolg [Pleasure and Duty]. St. Peterburg-Moscow, M. M. Lederle and K^o, 415 p. (In Russian).
- Kierkegaard S. (1849) Enten – Eller. Et Livs Fragmet. Utgivet af Viktor Eremita. C. A. Reitzel, Kjöbenhavn, 471 p.
- Kierkegaard S. (1845) Stadier paa Livets Vei. C. A. Reitzel. Kjöbenhavn, 383 p.
- Korovin A. V. (2022) I. Goncharov i P. Ganzen: datskii vector v tvorchestve russkogo pisatel'ia [I. Goncharov and P. Hansen: Danish trace in the Russian author's works]. I. A. Goncharov i russkaya i natsional'nyye literatury [I. A. Goncharov and Russian and National literature]. Collected papers of the International conference Sept. 28-30 2022. Ed. M. D. Amirkhanian. Meknark, Erevan, pp. 219-228 (In Russian).
- Krasnaia gazeta (1928), no. 61, March 2 (In Russian).
- Liustrov M. Yu. (2021) Ludvig Holberg i russko-skandinavskii literaturnye svyazi [Ludvig Holberg and Russian-Scandinavian Literary Contacts]. Moscow, IMLI Russian Academy of Science, 272 p. (In Russian).
- Mel'nik V. I. (2014) "Dragocennyye tainy i tainstva chelovecheskoi dushi (I. A. Goncharov v eticheskikh sporakh epokhi ["Precious secrets and mysteries of the human soul..."] (I. A. Goncharov in the ethical disputes of his epoch). Vestnik slavianskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures, no. (33), pp. 139-147 (In Russian).
- Sharypkin D. M. (1980) Tvorchestvo Georga Brandesa po russkim istochnikam i materialam [Georg Brandes' works in Russian sources and materials]. Russian sources for the history of foreign literatures. Collected papers. Leningrad, Nauka Publ., pp. 184-232 (In Russian).
- Shestov L. Kierkegaard i Dostoievski [Kierkegaard and Dostoevsky]. Available at: <https://filosoff.org/shestov/tvorchestvo/kirkegaard-i-dostoevskij/> (In Russian).
- Vestnik Evropy (1887), vol. 10 (In Russian).
- Zharov B. S. (2004) Perevodchiki Ganzen [Translators the Hansens]. Avtobus: Peterburgskii detskii istoricheskii zhurnal, no. 2, pp. 6-8 (In Russian).

Информация об авторе

Коровин Андрей Викторович

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1432-448X.
E-mail: avkorovin2002@mail.ru

Autor's information

Andrey V. Korovin

PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher. A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1432-448X.
E-mail: avkorovin2002@mail.ru